

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

Зырянов О. В.
Екатеринбург, Россия

ORCID ID: –
E-mail: o.v.zyrianov@urfu.ru

УДК 821.161.1
DOI 10.26170/FK19-01-01
ББК ШЗЗ(2РОС=РУС)
ГСНТИ 17.07.21
КОД ВАК 10.01.08

ПРОБЛЕМНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОПОЭТИКИ

Аннотация. Рассматриваются основные этапы формирования этнопоэтики как научного направления, выясняется роль этнологических исследований в сфере философии культуры, посвященных проблемам русского национального характера, русского мировоззрения, национальной картины мира. Проблема «литературной трансплантации» (термин Д. С. Лихачева) прослеживается на материале полемики П. Катенина с Жуковским по поводу русского варианта жанра баллады. Вскрываются адаптивные механизмы в сфере наследования русской культурой (как стороной принимающей) некоторых идейно-эстетических комплексов, привносимых с Запада. С опорой на работы В. А. Захарова дается обоснование термина «этнопоэтика», в котором подчеркивается органическая связь сразу двух начал, одно из которых сводится к базовым категориям этнокультурного порядка (в нашем случае – аксиологическим основам национальной духовно-религиозной традиции), а другое оперирует уже собственно филологическими категориями, напрямую выводящими в сферу исторической и онтологической поэтики. Выявляются сущностные параметры и границы современной области этнопоэтики, устанавливаются ее связи с внутренними подразделениями (имагология, религиозная филология) и смежными дисциплинами (регионалистика, геопозитика).

Ключевые слова: этнопоэтика; национальная картина мира; литературные трансплантации; контактология; имагология; религиозная филология; этноконфессиональные исследования.

Этнологические аспекты этнопоэтики рассматриваются на примере творчества двух русских писателей, которые по-разному осмыслили символическое пространство России, возводя его то к образу бескрайней степи (Н. В. Гоголь), то к образу громадных, полноводных рек (Д. Н. Мамин-Сибиряк), но в то же время напрямую увязывая его с богатырским характером русского народа, широтой и необъятностью русской души. В аспекте национальной типологии определяется круг системно-категориальных оснований этноконфессионального порядка, характеризующих русскую классическую словесность: соборность, пасхальность, христоцентризм, эстетика юродства и исихазма, славянский феномен дарения и нищелюбия, вера в чудо, установка на сотериологическую вертикаль (или идею духовного спасения). На примере фрагмента романа «Война и мир» Л. Н. Толстого и очерка «Томление духа» Н. С. Лескова фиксируется отношение писателей к имагологическим образам и стереотипам. Доказывается, что рецепция и репрезентация образов «другого» (прежде всего представителя немецкой нации) в произведениях указанных авторов приобретает аксиологическую окраску, оборачиваясь имагологической рефлексией по поводу сущности русского национального характера.

Zyryanov O. V.
Ekaterinburg, Russia

PROBLEMS AND METHODS OF MODERN ETHNOPOETICS

Abstract. The article deals with the main stages of formation of ethno-poetics as an area of scientific investigation, the role of ethnological research in the field of cultural philosophy devoted to the problems of the Russian national character, the Russian world outlook, and the national worldview. The problem of “literary transplantation” (D. Likhachev) is examined on the material of P. Katenin’s controversy with Zhukovsky about the Russian version of the genre of ballad. The article reveals the adaptive mechanisms in the sphere of the Russian culture inheritance (as a target domain) of some ideological and aesthetic complexes borrowed from the West. Drawing on the works by V. A. Zakharov, the author defines the term “ethno-poetics”, which emphasizes the organic connection of two principles at once, one of which boils down to the basic ethnocultural categories (in our case, the axiological foundations of the national spiritual and religious traditions), and the other operates its own philological categories directly leading into the sphere of historical and ontological poetics. The author demonstrates the essential parameters and boundaries of the modern field of ethno-poetics and its links with internal subdivisions (imagology, religious philology) and related disciplines (regional studies, geopoetics, etc.).

Keywords: ethno-poetics; national picture of the world; literary transplantations; contactology; imagology; religious philology; ethno-confessional study.

The ethnological aspects of ethno-poetics are considered on the example of the works of two Russian writers, who interpreted the symbolic space of Russia in different ways, comparing it either with the image of the vast steppe (N. Gogol), or with the image of huge, full-flowing rivers (D. Mamin-Sibiryak), but at the same time directly linking it with the heroic character of the Russian people, and the depth and immensity of the Russian soul. In terms of national typology, the article defines the systemic categorial foundations of ethnoconfessional characterization of Russian classical literature: collegiality, Easter traditions, Christocentrism, aesthetics of foolishness and hesychasm, Slavic phenomenon of giving and sympathy for the poor, faith in miracles, and belief in the soteriological vertical (or idea of spiritual salvation). The author reveals the writer’s attitude to imagological images and stereotypes on the example of the frag-

ments of the novel "War and Peace" by L. Tolstoy and the essay "The Languor of the Spirit" by N. Leskov. The article argues that the reception and representation of the images of the "other" (first of all, a representative of the German nation) in the works of these authors acquires an axiological coloring, turning into an imagological reflection on the essence of the Russian national character.

Для цитирования: Зырянов, О. В. Проблемно-методологическое поле современной этнопоэтики / О. В. Зырянов // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 8–15. DOI: 10.26170/fk19-01-01.

For citation: Zyryanov, O. V. Problems and Methods of Modern Ethnopoetics / O. V. Zyryanov // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 8–15. DOI: 10.26170/fk19-01-01.

Данная статья представляет собой расширенный вариант доклада, прочитанного на Пленарном заседании XIII Всероссийской научной конференции «Дергачевские чтения – 2018: Литература регионов в свете гео- и этнопоэтики» (Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.). Указанная конференция, традиционно связанная с магистральным направлением научных исследований проф. И. А. Дергачева (1911–1991), очень рано, еще с начала 90-х годов, получила свой емкий и достаточно адекватный подзаголовок: «Русская литература: национальное развитие и региональные особенности». Введение термина «этнопоэтика», уточняющего и модернизирующего устоявшуюся формулировку заглавия «Дергачевских чтений», призвано не только задать новый извод уже известной темы, но, прежде всего, сообщить самому исследовательскому поиску более концептуальный и, что особенно важно, *инструментальный* характер – за счет привлечения возможностей новейшей научно-теоретической парадигмы. Хочется верить, что в таком случае мы имеем дело не просто с формально-терминологическим, но именно с *методологическим переводом*, который позволит серьезно продвинуть научные исследования по исторической поэтике, истории русской и других национальных литератур.

Главная цель предлагаемой статьи – выявить основные этапы формирования и сущностные параметры этнопоэтики как научного направления, а также осуществить разметку проблемно-методологического поля современной этнопоэтики, проследив ее взаимосвязь как с внутренними подразделами, так и с некоторыми смежными отраслями научного знания.

Этнологические исследования в сфере культурной антропологии и философии культуры имеют давнюю традицию. Не претендуя на полноту перечисления всех персоналий и проблемных направлений этнологических исследований, отметим лишь самые важные в плане становления этнопоэтики как специальной научной дисциплины.

В сфере философии культуры отметим прежде всего работы, посвященные проблеме русского национального характера, русского мировоззрения, национальной картины мира. Так, в монографическом исследовании Н. О. Лосского «Характер русского народа» (1957) предпринят подход к самому феномену русского народа как к симфонической личности высшего порядка с позиции «метафизики иерархического персонализма» [Лосский 1991: 238]. В статье «Русское мировоззрение» С. Л. Франка (1926), написанной на немецком языке и адресованной по большей части европейскому читателю, отмечены ведущие черты национальной ментальности русского человека (к ним нам еще предстоит обратиться при рассмотрении этнокон-

фессиональных особенностей русской литературы). «Сущность и своеобразие русской культуры» – так назывался цикл лекций (на немецком языке), прочитанный И. А. Ильиным в Швейцарии (конец 1930 – начало 1940-х гг.). Также заслуживает внимания капитальное исследование протоиерея Г. Флоровского «Пути русского богословия» (Париж, 1937). В 1980–90-е гг. о природе российской цивилизации и евразийской концепции русского пути плодотворно писал известный историк и филолог В. В. Кожин [Кожин 2002].

Для своего времени этапной стала монография Г. Гачева «Национальные образы мира», в которой вынесенная в заглавие категория была представлена как органическое совмещение природно-материальных и духовных факторов: триединство природы (Космоса), склада души народа (Психеи) и логики его ума (Логоса) [Гачев 1988]. Примечательно, что открывающий книгу первый раздел, посвященный образу русского мира, носил название «О национальной образности русской поэзии (45 натурфилософских романсов на стихи Тютчева)»¹. Развивая идеи предшественника, С. В. Шешунова в рамках своей докторской диссертации определяет национальный образ мира как «многоуровневую художественную структуру, комплекс взаимодействующих компонентов литературного текста, обладающих этнокультурной спецификой» [Шешунова 2006: 36].

В связи с ускоренным развитием отечественной литературы Нового времени особую актуальность в историко-литературных исследованиях получила проблема *литературной трансплантации* (термин Д. С. Лихачева). Укажем ее наиболее существенные проявления – как в некоторых общих законах жанровой эволюции, так и в сфере наследования русской культурой (как стороной принимающей) влиятельных комплексов философско-эстетических идей, привносимых с Запада.

Как показывает литературная практика, в различных национальных культурах в определенные моменты исторического развития ведущей задачей становится *борьба за национальный вариант жанра*. Может показаться, что практически вся русская поэзия Нового времени (от Тредиаковского и Ломоносова вплоть до Жуковского и Пушкина) озабочена переносом на отечественную почву уже готовых, освоенных европейскими поэтами жанрово-эстетических моделей. Так обстояло дело с «Сельским кладбищем» Т. Грея, оссианическими мотивами, ночными размышлениями Юнга, бюрге-

¹ Для репрезентации русской (славянской) картины мира исследователь поступил, можно сказать, парадоксально, выбрав поэта с достаточно странной генеалогией, если вспомнить, например, пристрастие Тютчева к форме гейневского фрагмента (Ю. Н. Тынянов), к комплексу идей Шеллинга (Л. В. Пумпянский) или философов «милетской школы» (Б. М. Козырев).

ровской балладой «Ленора». Но суть даже не в самой трансплантации отдельных жанров и образно-мотивных комплексов, а в настоящей попытке их *русификации*, придания им национально специфичных черт и (что, пожалуй, еще важнее) в реализации особого запроса на национальный извод жанра, выступающего всякий раз не извне, а *изнутри* мотивационной системы самой национальной культуры.

Позволим себе лишь одну иллюстрацию. Если обратиться к мотивам известного спора П. Катенина с Жуковским по поводу балладного жанра 1815–1816 гг., то становится понятно, что он далеко не сводился лишь к удовлетворению честолюбивых амбиций участников спора. Причина его, по всей видимости, залегала гораздо глубже. Ю. Н. Тынянов отвечал на этот вопрос так: «В неисторическом плане легко, конечно, говорить о том, что „переводы Жуковского – самостоятельные его произведения“ и что ценность их не уменьшается от того, что они переводы, но если мы учтем огромное значение *жанров* для современников, то станет ясно, что привнесение готовых жанров с Запада могло удовлетворить только на известный момент; новые жанры складываются в результате тенденций и стремлений национальной литературы и привнесение готовых западных жанров не всегда целиком разрешает эволюционную задачу внутри национальных жанров. <...> Это отчасти объясняет и борьбу за русскую балладу, которую ведет Катенин против баллады Жуковского с иностранным материалом. <...> Его [Жуковского] переводы не удовлетворяли не тем, что это были переводы, а тем, что они ощущались как жанровая стилизация, перенесение готовых вещей» [Тынянов 1969: 39–40]. Таким образом, искомый национальный вариант баллады, и прежде всего опыт балладного жанра Катенина, создавался в отталкивании от готовых жанровых «стилизаций» баллад Жуковского. Проявленная при этом жанровая установка на художественные возможности детективной новеллы, как, например, в «Убийце» Катенина, стала одним из важнейших факторов развития русской балладной традиции, вплоть до пушкинского «Утопленника» и некрасовского «Извозчика»¹.

Действие механизма культурной избирательности и его адаптивные возможности на примере рецепции идей байронизма русским сознанием блестяще продемонстрировал Вяч. Иванов в статье «Байронизм как событие в жизни русского духа» (1916). По мнению исследователя, в «Байроновой проблеме свободы» Лермонтовым (а еще ранее Пушкиным, как автором «Цыган») был дан «русский ответ» на загадку новейшей западной гражданственности, а именно «ответ русского духа» [Иванов 1994: 271]. Во многом продолжая своего предшественника, С. С. Аверинцев к статье о «Сельском кладбище» Грея–Жуковского подберет достаточно красноречивый заголовок: «Британское зеркало для русского самосознания». И здесь мы опять сталкиваемся с влиянием на русских авторов специфического

комплекса идей английской культуры и осознанием ее особой важности для «рождающегося русского самощущения» [Аверинцев 2005: 263].

Еще одна важнейшая проблема в перспективе развития будущей этнопоэтики – вопрос о *национальной типологии*. Среди исследований собственно историко-литературного плана, обосновывающих данное понятие, отметим книгу Е. Н. Купреяновой и Г. П. Макогоненко «Национальное своеобразие русской литературы» (Л., 1976) и, конечно же, монографию Н. Я. Берковского «О мировом значении русской литературы» (Л., 1975). На самом деле последнее монографическое исследование датируется 1945-м годом, его авторское название также звучало иначе: «Русское национальное своеобразие в литературе».

Обоснование термина «этнопоэтика». При всей отмеченной богатой традиции этнологических исследований необходимо, однако, признать, что сам термин «этнопоэтика» в нашем отечественном литературоведении закрепляется сравнительно поздно, лишь в начале 1990-х годов. Обоснование данного термина принадлежит В. Н. Захарову, профессору Петрозаводского университета (ныне Президенту Международного общества Достоевского). По его мнению, этнопоэтика возникает параллельно уже имеющемуся направлению в языкознании – т. н. этнолингвистике, обоснованной Э. Сепиром и Б. Уорфом: «Среди различных дисциплин, которые начинаются словом *этно-*, явно не хватает еще одной – *этнопоэтики*, которая должна изучать национальное своеобразие конкретных литератур, их место в мировом художественном процессе. Она должна дать ответ, что делает данную литературу национальной, в нашем случае – что делает русскую литературу *русской*» [Захаров 1994: 9].

С нашей точки зрения, удобство рассматриваемого термина «этнопоэтика» продиктовано тем, что в нем подчеркивается органическая связь сразу же двух начал: одно из них сводится к базовым категориям этнокультурного порядка (в нашем случае – аксиологическим основам национальной духовно-религиозной традиции), а другое оперирует уже собственно филологическими категориями, напрямую выводящими в сферу исторической и онтологической поэтики. Осуществляемый в литературе Нового времени диалог отечественных писателей с христианско-религиозной традицией находит свое объяснение в контексте универсальных методов и приемов (жанровая аксиология, мотивный и концепт-анализ, интертекстуальный подход), выработанных классическим литературоведением. Иными словами, этнопоэтика может и должна рассматриваться как частный случай исторической поэтики – в ее глубинных, онтологических основаниях.

Как закономерная и полноправная часть исторической поэтики, этнопоэтика берет на себя задачу проследить этнокультурный компонент в самой художественной структуре, эстетическом строе произведений, в организации поэтического мира художника, его аксиологической системе. В аннотации к книге В. Н. Захарова «Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты» фиксируется национальный акцент в трактовке таких категорий исторической поэтики, как фабула, сюжет, жанр, хронотоп, образ, символ,

¹ В рассматриваемую эпоху набирающего силы романтического движения в России наблюдается заметный запрос на русификацию отдельных лирических жанров, что сказывается в устойчивых жанровых номинациях: «простонародная сказка», «русская идиллия», «русская песня». О варианте «русского сонета» см. специальное исследование: [Зырянов 2012].

фантастика, условность, текст [Захаров 2012]. Как выясняется, практически все элементы поэтологической системы могут брать на себя специфическую этнокультурную нагрузку.

Таким образом, этнопоэтика выступает одновременно и как предмет исследования (этнокультурный компонент поэтики, национальный образ мира), и как сама методология исследования, соответствующий язык научного описания, увязывающий воедино анализ, с одной стороны, фольклорных и национально-архетипических начал, а с другой – духовно-религиозных основ, православного кода русской классической словесности.

Этнопоэтика – это целая система взаимосвязанных методологических подходов. В первую очередь, в эту систему следует ввести традиционную компаративистику с ее подразделами – *контактологией* и *константологией*. В первом случае речь идет о уже знакомом нам механизме литературной трансплантации. Во втором случае – о ключевых понятиях или универсалиях, концептах национальных культур [Степанов 1997]. Здесь наиболее тесным оказывается сотрудничество этнопоэтики с этнолингвистикой и фольклористикой.

В плане разметки проблемно-методологического поля современной этнопоэтики особо важное значение, на наш взгляд, приобретают взаимные отношения, с одной стороны, этнопоэтики и *имагологии* (иначе, рецепции и репрезентации образов «чужого» в национальной культуре), а с другой – этнопоэтики и религиозной филологии, или онтологической поэтики в ее этноконфессиональном измерении. Необходимо также иметь в виду взаимосвязь этнопоэтики с такими смежными для нее дисциплинами, как *регионалистика* и *геопоэтика*. В дальнейшем тексте статьи основное внимание будет сосредоточено именно на этих, как нам представляется, особо перспективных линиях соотношений.

Этнологические аспекты геопоэтики. Систематизируя базовые факторы, или исходные формообразующие основания, русского национального характера, философ В. И. Копалов предложил расположить их в следующем порядке:

- 1) природа и климат,
- 2) этнические истоки,
- 3) историческое бытие народа, геополитическое положение России,
- 4) социальные факторы (монархия, община, полиэтничность),
- 5) русский язык и русская культура,
- 6) Православие [Копалов 2008].

В самой последовательности звеньев данной многофакторной цепочки просматривается одна существенная закономерность. Заметим, что в аспекте филогенеза (или общей, многовековой истории народа) природа и климат не случайно выходят на первый план, а язык и культура, в свою очередь, предстают результатом эволюционного развития целого ряда обуславливающих факторов (прежде всего природно-климатического или пространственно-географического). Именно эти факторы находятся в ведении так называемой геопоэтики¹.

Попытаемся проиллюстрировать этнологические аспекты геопоэтики, ограничившись лишь одним, но достаточно красноречивым сравнительно-сопоставительным примером. В новейшем исследовании Инги Видугирите «Географическое воображение Гоголя» делается вывод об особой роли образа степи в творческом сознании Гоголя, причем сам этот образ, как он предстает и разыгрывается в географическом воображении писателя, воспринимается «как историко-географический образ Украины» [Видугирите 2015: 159]. Однако, с опорой на концепцию Д. Н. Овсяннико-Куликовского, следует помнить, что Гоголь «был общерус на малорусской основе» [Овсяннико-Куликовский 1989: 339]. Согласно указанному исследователю, можно говорить об образовании и развитии – наряду с великорусом, малорусом и белорусом – четвертой русской национальности, а именно – *общерусской*. Так, по мнению Овсяннико-Куликовского, «„Хохол“ (прозвище Гоголя, принятое в пушкинском кругу. – О. З.) был гений *общерусский*. Он созерцал Русь из прекрасного далека как общерус, и дело моральной проповеди на Руси было предпринято им как общерусом» [Овсяннико-Куликовский 1989: 345]. Поэтому-то и образ степи Гоголь распространяет на бескрайние просторы России: символизирующее ее пространство – по преимуществу степное (если и упоминается море, то в качестве некоей границы равнинно-континентального пространства):

«Открыто-пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? <...> Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройти ему?» [Гоголь 1994: 201–202].

В противовес Гоголю другой русский писатель-классик Д. Н. Мамин-Сибиряк (писатель не областного, узко-регионального значения, а именно общероссийского масштаба) при обобщении подобного рода исходил уже из иной природно-душевной и культурно-психологической интуиции. Оригинальность Мамин-Сибиряка проявилась в том, что он попытался увязать широту русского характера, сам склад русской души, в том числе и приверженность русского человека проголосьной песне, с определенным географическим и природным фактором, а именно – с водной (речной) стихией. Показательны в этом отношении размышления главного героя романа «Без названия», Василия Тимофеевича Окоёмова, по поводу сразу же двух великих рек – Волги и Камы (ведущих водных артерий европейской России):

«Кроме исторического и экономического значения, эти две громадные реки несли с собой целое народное миросозерцание, сложившееся на их берегах, – оно

¹ По мнению авторитетного исследователя В. В. Абашева, геопоэтика – это «специфический раздел поэтики, имеющий своим пред-

метом как образы географического пространства в индивидуальном творчестве, так и локальные тексты (или свертхтексты), формирующиеся в национальной культуре как результат освоения отдельных мест, регионов географического пространства и концептуализации их образов» [Абашев 2012: 18].

вылилось в песне, в обрядовой стороне, в характере и во всем укладе народной жизни. <...> На этих струях развернулась во всю ширь народная удаля, у которой тоже берега уходили из глаз. Да и вообще в душе каждого русского человека много общего с характером этих рек: те же весенние разливы, те же мели и перекаты и та же неисчерпаемая сила, которая, как сказочный богатырь, дремлет до поры, до времени. И зимний крепкий сон, и весенний разгул, и бури, и ленивое затишье...» [Мамин-Сибиряк 1981: 304–305].

Как видим, два русских писателя-классика по-разному осмыслили символическое пространство России, привязывая его то к образу бескрайней степи, то к образу громадных, полноводных рек. Но в том и в другом случае они напрямую соотносили образ географического пространства с богатырским характером русского народа, широтой и необъятностью русской души.

Этнопоэтика в зеркале религиозной филологии.

Классическая словесность – наиболее совершенная и аутентичная форма репрезентации души народа, или национальной Психеи. Но каковы же базовые факторы, или исходные формообразующие основания, неповторимого склада русской души?

Отталкиваясь от рассмотренной выше многофакторной схемы В. И. Копалова, следует признать, что на этапе *онтогенеза* (или позднейшего развития нации – в рамках уже Нового и Новейшего времени) не столько материально-географические и социально-экономические факторы, сколько именно *культурно-конфессиональное начало* (культура Православия, поставленная современным философом только на шестую позицию) является определяющим и поворотным моментом в идейно-эстетическом самоопределении отечественных писателей-классиков¹. Поэтому обозначенную шестиуровневую схему-пирамиду целесообразно было бы перевернуть, сделав в ней последнюю позицию, наоборот, первой. Отсюда вытекает идея должного сопряжения этнокультурного и собственно конфессионального подходов в рамках единой методологии *этноконфессионального исследования* [см. об этом подробнее: Зырянов 2014].

Для доказательства необходимости заявляемого нами методологического синтеза позволим себе следующую аргументацию. Напомним, что известный итальянский славист Рикардо Пиккио, которого вообще трудно заподозрить в этноконфессиональной пристрастности, отстаивал идею особой литературной цивилизации, т. н. *Slavia orthodoxa*, или Православной славянской литературы, охватывающей целый субрегион – Болгарию, Россию и Сербию. Эта духовная общность славян, находящаяся в сфере влияния Кон-

стантинопольской церкви, существует, по его мнению, как самостоятельный феномен – вплоть до того момента, когда западные влияния на Руси – поначалу через польскую традицию и «рутенскую» культуру в XVII в., а потом и через немецко-французское господство в XVIII в. – знаменуют конец *Slavia orthodoxa* и, в конечном счете, конец Древней Руси [Пиккио 2003].

Но, как показано в работе Ю. М. Лотмана «Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция», секуляризация русской культуры не затронула глубинных структурных основ национальной модели [Лотман 1993]. В исследовании о. Ионна Мейендорфа «Возрождение», в котором речь идет о «втором византийском влиянии» на Русь и его последствиях для классического XIX века, специально подчеркивается, что Православие Достоевского, Гоголя, К. Леонтьева, И. Киреевского и др. уходит своими корнями в церковное сознание и сознание народа, в духовный опыт Оптиной Пустыни, в котором великие творцы культуры находили «свое главное, единое на потребу» [Мейендорф [http](http://)]. В соответствии именно с этноконфессиональными различиями А. М. Панченко выделял, например, два этапа русского барокко: барокко московского периода и протестантское барокко петербургского периода [Панченко 1977]. М. М. Дунаев предложил в свое время оригинальную типологию европейского романтизма, основываясь на вариантах протестантского мироощущения, ориентированного, соответственно, на лютеранскую или кальвинистскую сотериологию [Дунаев 1996: 140–141]. По мысли философа А. Позова, автора замечательной монографии «Метафизика Пушкина» (Мадрид, 1967; Москва, 1998), русский национальный гений – это «Сократ христианской эпохи», в котором «впервые, после многих столетий, произошла... консолидация русского духа, как в Сократе – древнегреческого духа...» [Позов 1998: 90]; «Пушкин впитал в себя Ренессанс и гуманизм, чтобы критически и органически их изжить. <...> В нем – не только изжитие, но и религиозно-метафизическое преодоление западного ренессансного гуманизма. Пушкин – пророк нового ренессанса, ренессанса христианского» [Там же: 86].

Рассмотрение русской классической словесности в аспекте национальной типологии определенно выводит к универсальным категориям этноконфессионального порядка, во многом объясняющим своеобразие отечественной литературной классики.

Постараемся свести все эти специфические черты в некое системное единство:

- *соборность* (или «мы-философия», по С. Франку),
- *пасхальность* (в противоположность рождественскому характеру западной культуры),
- *христоцентризм* как ведущая черта художественной антропологии русской литературной классики,
- эстетика *юродства* и *исихазма*, своего рода духовного трезвения (в противовес западной культуре карнавальности и мистической одержимости),
- славянский феномен *дарения* и *нищелюбия* (этот этнографически-паллиативный термин для обозначения примата милости и благодати над духом законничества и юридизма),

¹ Примечательный факт: в монографии Б. А. Успенского «Крестное знамение и сакральное пространство» ставится, казалось бы, далекий от литературы вопрос: «Почему православные крестятся справа налево, а католики – слева направо?». Но и здесь речь заходит, по сути, о некоем коллективном бессознательном, определяющем, причем далеко не в последнюю очередь, сами формы национальной идентичности. Как показал Б. Успенский, католикам присуща субъектная точка зрения, или движение от человека к Богу. Православным же, напротив, свойственна объектная модальность: приобщенность к благу и Творцу дает ограждение от нечистого, дьявольского, человек в этом случае является лишь «объектом действия крестной силы» [Успенский 2004: 30].

- вера в чудо, своего рода теофания, или доверие к «фантастическому чудесному» (в противоположность «фантастическому необычному», т. н. «материальной фантастике»), что находит воплощение в концепции «реализма в высшем смысле» Ф. М. Достоевского,
- установка на *сотириологическую* вертикаль (или идею духовного спасения) по контрасту с эвдемонической горизонталью (или философией земного счастья и преуспеяния).

Указанные особенности русской литературной классики (как можно предположить, по преимуществу философско-культурологического свойства) обретают и собственно *поэтологический статус*, находя структурно-эстетическое претворение в художественной форме конкретных литературных произведений. Именно они обуславливают национальную специфику русской классической словесности, существенным образом определяя национально-самобытный строй ее художественного сознания.

Имагологические аспекты этнопоэтики. Сущность национального образа мира, как известно, познается в сравнении. Отсюда вполне закономерным представляется выход в сферу *имагологии*, или в область рецепции и репрезентации образов «другого» – иностранцев и инородцев, представителей иных этнокультурных и этноконфессиональных миров.

В арсенале имагологии следует выделять *национальные образы, имиджи и стереотипы*. Следует также помнить о сугубо аксиологической, ценностно окрашенной природе рецепции и репрезентации образов «своего» и «чужого». Вот что пишет по этому вопросу известный специалист В. Б. Земсков:

«Каждая культура любого уровня развития по-своему воспринимает, воссоздает и закрепляет в памяти образы других/чужих, такие образы, которые характеризуют либо отдельные стороны, черты и свойства этих „других“, либо в целом их „сущность“, их идентичность, на фоне собственных представлений о норме и ценностях. Аксиологичность рецепции и репрезентации является универсальным свойством имагологических операций» [Земсков <http>].

В подтверждение мысли об аксиологической природе художественной имагологии обратимся к характерному пассажи из романа Л. Н. Толстого «Война и мир», в котором образ типичного немца-теоретика, генерала Пфуля, подается откровенно иронически как национальный стереотип. Воспроизведем лишь заключительную обобщающую часть авторской имагологической рефлексии, вобравшей стереотипы основных европейских наций (французской, английской, итальянской, немецкой и русской), но в своем идейно-концептуальном виде сводящейся именно к противопоставлению русского и немецкого начал как прямо противоположных, контрастно-полярных сущностей:

«Француз бывает самоуверен потому, что он почти себя лично, как умом, так и телом, непреодолимо-обворожительным как для мужчин, так и для женщин. Англичанин самоуверен на том основании, что он есть гражданин благоустроеннейшего в мире государства, и потому, как англичанин, знает всегда, что ему делать нужно, и знает, что все, что он делает как

англичанин, несомненно хорошо. Итальянец самоуверен потому, что он взволнован и забывает легко и себя и других. Русский самоуверен именно потому, что он ничего не знает и знать не хочет, потому что не верит, чтобы можно было вполне знать что-нибудь. Немец самоуверен хуже всех, и тверже всех, и противнее всех, потому что он воображает, что знает истину, науку, которую он сам выдумал, но которая для него есть абсолютная истина» [Толстой 1980: 52–53].

В приведенном фрагменте имагологические образы представителей основных европейских наций выдержаны в откровенно утрированном виде, замещаясь, по сути, жестко заданными национальными стереотипами. При этом заметим, что центральный образ русского (автостереотип) подается в окружении разнообразных гетеростереотипов, или образов чужой культуры. Занимающие сильную позицию образы русского и немца неслучайно выступают в отношении «контра» друг к другу. По мысли автора, самоуверенность немца «хуже всех, и тверже всех, и противнее всех» (негативность оценки достигает здесь своего апогея), потому что в своей настойчивой приверженности исключительно рационально-логическому (дискурсивному) способу мышления вступает в принципиальное противоречие с созерцательной установкой русского, его безоговорочной верой в божественное провидение. Абсолютный негативизм изображенного гетеростереотипа немца объясняется, таким образом, аксиологической установкой самого Л. Толстого, в основе своей солидаризирующегося с внутренне позитивным смыслом автостереотипа русского.

Иной вариант игры с подобными этностереотипами, заканчивающийся преодолением устойчивых национально-культурных предубеждений, демонстрирует очерк Н. С. Лескова «Томление духа (Из отроческих воспоминаний)». В центре очерка образ праведного учителя – тощего немца Ивана Яковлевича, по прозванию Коза, и процесс духовных изменений, происходящий с группой жадно внимающих ему русских учеников-отроков. «Он будто метнул в нас что-то острое и вместе с тем радостное до восторга» [Лесков 1989: 398], – признается рассказчик.

Особенно примечателен эпизод расставания учеников со своим учителем, напрямую смыкающийся с евангельским сюжетом Преображения Господня [Евангелие от Матфея 17: 1–6]. Напомним продолжение этой сцены, выдержанное от лица героя-повествователя: «...С тех пор ушло очень много лет. И Козы долго, очень долго не было передо мною, но потом вдруг он совершенно неожиданно явился раз, и два, и еще втретье, и стал так близко, как будто он и не отходил, а между тем... все бежит и бежит вперед...» [Лесков 1989: 399]. В связи с этим опять-таки напрашивается параллель с евангельским текстом: «Это уже в третий раз явился Иисус ученикам Своим по воскресении Своём из мертвых» [Евангелие от Иоанна 21: 14]. Как можно судить, исходя из данного контекста, смысл авторской установки применительно к образу немца-учителя сводится в очерке Лескова к преодолению узконациональных стереотипов, в проекции причудливого характера героя, являющегося, по сути, в ореоле личной святости, на аксиологические основы русского мира.

Выводы. Еще В. Г. Белинский в статье «<Общее значение слова литература>» указывал на то что «литература есть последнее и высшее выражение мысли народа, проявляющейся в слове» [Белинский 1981: 496]. Действительно, «образование субстанции народа» – это тот важнейший этнокультурный фактор, который обуславливает своеобразие любой национальной литературы. Поиск ответа на традиционный вопрос: что определяет национальную специфику русской литературной классики? – выводит нас к такой области литературоведческого знания,

как этнопоэтика. Будучи далеко не сводима к набору универсальных категорий абстрактно-философского и культурологического содержания (соборность, пасхальность, христоцентризм, литургичность и т. п.), этнопоэтика на современном этапе ее развития, а именно – в содружестве с имагологией, геопоэтикой и религиозной филологией, может вполне закономерно рассматриваться как полноценный раздел исторической поэтики, надежный и незаменимый инструмент историко-литературных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Абашев В. В. Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики: учеб. пособие. – Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2012. – 140 с.
- Аверинцев С. Британское зеркало для русского самосознания или еще раз о «Сельском кладбище» Грея-Жуковского // Аверинцев С. Собрание сочинений: Связь времен. – Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2005. – С. 260–267.
- Белинский В. Г. <Общее значение слова литература> // Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. – М.: Худож. лит., 1981. – Т. 6. – С. 493–524.
- Видуگیرите И. Географическое воображение Гоголя. – Vilnius: Vilniaus universitetas, 2015. – 296 p.
- Гачев Г. Национальные образы мира: общие вопросы, русский, болгарский, грузинский, армянский. – М.: Сов. писатель, 1988. – 396 с.
- Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 9 т. – М.: Русская книга, 1994. – Т. 5. – 608 с.
- Дунаев М. М. Православие и русская литература: в 6 ч. – М.: Христианская литература, 1996. – Ч. 1. – 320 с.
- Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. тр. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. – С. 5–11.
- Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. – М.: Индрик, 2012. – 264 с.
- Земсков В. Б. Образ России «на переломе» времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация «другой» культуры) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nrgumis.ru/articles/81> (дата обращения: 20.01.2019).
- Зырянов О. В. Русская классическая словесность в этноконфессиональной перспективе: учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 216 с.
- Зырянов О. В. Существует ли русский сонет? Судьба лирического жанра сквозь призму этнопоэтики // Вопросы литературы. – 2012. – № 3. – С. 300–325.
- Иванов Вяч. И. Байронизм как событие в жизни русского духа // Иванов В. И. Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – С. 269–272.
- Кожин В. В. О русском национальном сознании. – М.: Алгоритм, 2002. – 384 с.
- Копалов В. И. Русский национальный характер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2009/09/16/russkij_nacional_nyj_harakter (дата обращения: 20.01.2019).
- Лесков Н. С. Собр. соч.: в 12 т. – М.: Правда, 1989. – Т. 12. – 448 с.
- Лосский Н. О. Характер русского народа // Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. – М.: Политиздат, 1991. – С. 238–360.
- Лотман Ю. М. Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. – Таллин: Александра, 1993. – Т. 3. – С. 127–137.
- Мамин-Сибиряк Д. Н. Без названия // Собр. соч.: в 6 т. – М.: Худож. лит., 1981. – Т. 5. – С. 235–506.
- Мейендорф Иоанн, прот. Духовное и культурное возрождение в XIV веке и судьбы Восточной Европы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://synergia-isa.ru/lib/download/lib/%2BMinsk_Lekt.doc (дата обращения: 20.01.2019).
- Овсяннико-Куликовский Д. Н. Н. В. Гоголь // Овсяннико-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1989. – Т. 1. – С. 190–376.

REFERENCES

- Abashev V. V. Russian literature of the Urals. Geopoetics problems: study guide. – Perm: Perm State National Research University, 2012. – 140 p.
- Averinchev S. British mirror for Russian self-consciousness or once again about the “Village Cemetery” by Gray-Zhukovsky // Averinchev S. Collected Works: The Link of Times. – Kiev: DUH I LITERA, 2005. – P. 260–267.
- Belinsky V. G. < General meaning of the word literature > // Belinsky V. G. Collected Works: in 9 v. – M.: Imaginative Literature, 1981. – V. 6. – P. 493–524.
- Vidugirite I. Gogol's geographical imagination. – Vilnius: Vilniaus universitetas, 2015. – 296 p.
- Gachev G. National Images of the World: Common Issues, Russian, Bulgarian, Georgian, Armenian. – M.: Soviet Writer, 1988. – 396 p.
- Gogol N. V. Collected Works: in 9 v. – M.: Russian book, 1994. – V. 5. – 608 p.
- Dunaev M. M. Orthodoxy and Russian literature: in 6 p. – M.: Christian literature, 1996. – P. 1. – 320 p.
- Zaharov V. N. Russian literature and Christianity // Gospel text in Russian literature XVIII–XX centuries: quote, reminiscence, motive, plot, genre: collection of scientific papers. – Petrozavodsk: Publishing house of PetrSU, 1994. – P. 5–11.
- Zaharov V. N. Problems of historical poetics. Ethnological aspects. – M.: Indrik, 2012. – 264 p.
- Zemskov V. B. The image of Russia “at the turning point” of the times (Theoretical aspect: reception and representation of the “other” culture) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://nrgumis.ru/articles/81> (date of access: 20.01.2019).
- Zyryanov O. V. Russian classical literature in ethnic and religious perspective: study guide. – Ekaterinburg: Publishing house of the Ural University, 2014. – 216 p.
- Zyryanov O. V. Is there a Russian sonnet? The fate of the lyrical genre through the prism of ethno-poetics // Literature questions. – 2012. – № 3. – P. 300–325.
- Ivanov Vyach. I. Byronism as an event in the life of the Russian spirit // Ivanov V. I. Native and universal. – M.: Republic, 1994. – P. 269–272.
- Kozhinov V. V. About Russian national consciousness. – Moscow: Algorithm, 2002. – 384 p.
- Kopalov V. I. Russian national character [Electronic resource]. – Mode of access: http://ruskline.ru/analitika/2009/09/16/russkij_nacional_nyj_harakter (date of access: 20.01.2019).
- Leskov N. S. Collected Works: in 12 v. – M.: Pravda, 1989. – V. 12. – 448 p.
- Lossky N. O. The character of the Russian people // Lossky N. O. Terms of absolute good. – M.: Politizdat, 1991. – P. 238–360.
- Lotman Yu. M. Russian literature after the Petrine era and the Christian tradition // Lotman Yu. M. Featured Articles: in 3 v. – Tallinn: Alexandra, 1993. – V. 3. – P. 127–137.
- Mamin-Sibiryak D. N. Untitled // Collected Works: in 6 v. – M.: Imaginative Literature, 1981. – V. 5. – P. 235–506.
- Meyendorff J., priest. The spiritual and cultural revival in the XIV century and the fate of Eastern Europe [Electronic resource]. – Mode of access: http://synergia-isa.ru/lib/download/lib/%2BMinsk_Lekt.doc (date of access: 20.01.2019).
- Ovsyaniko-Kulikovsky D. N. N. V. Gogol // Ovsyaniko-Kulikovsky D. N. Literary critical work: in 2 v. – M.: Imaginative Literature, 1989. – V. 1. – P. 190–376.

- Панченко А. М. Два этапа русского барокко // Труды отдела русской литературы. – Л.: Наука, 1977. – Т. XXXII. – С. 100–106.
- Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*. – М.: Знак, 2003. – 720 с. – (Studia Philologica).
- Позов А. *Метафизика Пушкина*. – М.: Наследие, 1998. – 320 с. – (Сер. «Пушкин в XX веке», вып. V).
- Степанов Ю. С. *Константы: Словарь русской культуры*. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
- Толстой Л. Н. *Собр. соч.: в 22 т.* – М.: Худож. лит., 1980. – Т. 6. – 447 с.
- Тынянов Ю. Н. *Пушкин и его современники*. – М.: Наука, 1969. – 424 с.
- Флоровский Г., прот. *Пути русского богословия*. – Киев: Христианско-благотворительная ассоциация «Путь к истине», 1991. – 600 с. – (Репринт издания Paris: YMCA-PRESS, 1983).
- Шешунова С. В. *Национальный образ мира в русской литературе: дис. ... д-ра филол. наук*. – Дубна, 2006. – 368 с.
- Успенский Б. А. *Крестное знамение и сакральное пространство: почему православные крестятся справа налево, а католики – слева направо?* – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 160 с.
- Panchenko A. M. Two stages of Russian baroque // Proceedings of the department of Russian literature. – L.: Science, 1977. – V. XXXII. – P. 100–106.
- Picchio R. *Slavia Orthodoxa: Literature and language*. – M.: Znak, 2003. – 720 p. – (Studia Philologica).
- Pozov A. *Pushkin's metaphysics*. – M.: Nasledie, 1998. – 320 p. – (Series "Pushkin in the XX century", vol. V).
- Stepanov Ju. S. *Constants: Dictionary of Russian Culture*. – M.: Russian culture languages, 1997. – 824 p.
- Tolstoy L. N. *Collected Works: in 22 v.* – M.: Imaginative Literature, 1980. – V. 6. – 447 p.
- Tynyanov Yu. N. *Pushkin and his contemporaries*. – M.: Nauka, 1969. – 424 p.
- Florovsky G., priest. *Ways of Russian Theology*. – Kiev: Christian Wayfare Association "Path to Truth", 1991. – 600 p. – (Reprint edition Paris: YMCA-PRESS, 1983).
- Sheshunova S. V. *National image of the world in Russian literature: dis. ... Doctor of Philology*. – Dubna, 2006. – 368 p.
- Uspensky B. A. *The sign of the cross and sacred space: why are Orthodox baptized from right to left, and Catholics – from left to right?* – M.: Languages of Slavic culture, 2004. – 160 p.

Данные об авторе

Зырянов Олег Васильевич – доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).
Адрес: 620000, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.
E-mail: o.v.zyryanov@urfu.ru.

Author's information

Zyryanov Oleg Vasilyevich – Doctor of Philology, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).